

От автора

Детство разматывалось, как цветная нитка бабушкиного клубка, и казалось нескончаемым. Летние каникулы, на манер крещенских щедровальников, громоподобно колотили в двери и полными пригоршнями рассыпали на пороге пшено золотых, солнечных дней, которые жадно и ненасытно склевывала детская радость, покинувшая школьные на-сесты, высвободившаяся из школьных пут.

«Городки», «Тише едешь — дальше будешь», «Платочек», «Резиночка», «Сыщики-разбойники»... Бадминтон с порхающим, неутомимым воланчиком... Картошка на костре, чьи прожорливые язычки мы пытались утолить ворохом газет из стоящего неподалеку мусорного бака... Медосмотр придорожных лип с перекинутыми через плечи аптечками, доверху напичканными седативными и жаропонижающими средствами, нышком унесенными из дому... Строительство и обустройство квартир для муравьев (мебелью из спичечных коробков, бассейнами из пластмассовых крышек), обживать которые, к нашему глубокому детскому разоча-

рованию, упорно не желали расползающиеся трудяги... Театральные постановки, из которых больше всего помнится излюбленная нами, дворовыми десятилетками, «Собака на сене». И многое, многое другое...

Долго, почти бесконечно тянулось детство... из-за новизны, свежести впечатлений, обостренности восприятия, наполненности нас — живых, любознательных человечков — энергией, жаждой, жадностью к жизни.

Но это нескончаемое детство все же окончилось. А юность, молодость — стремительная, мимолетная — была ли вообще? Незрелая зрелость — вот... в руках, пока рядом! Но надолго ли? Не сегодня-завтра подковыляет из-за спины старость, а следом... следом... следом...

Дни монотонны и скушны, как зарядивший с утра дождь. Работа — магазин — домашние хлопоты — сон. И завтра, и послезавтра — всё то же, до оскомины, до тошноты, изредка разбавляемое злосчастными сюрпризами: болезнью ребенка, потерей работы, ссорой с ближним и т.д.

И так вчера, сегодня, завтра становятся неразличимы. Вчерашние воспоминания сплетаются с завтрашними планами — в паутину сегодняшней суеты, в которой, бестолково расходуя силы и возможности, бьется запутавшаяся человеческая мысль.

И уже движешься по жизни по привычке, окруженная роем душевных опасений и бытовых забот, совсем не думая, что когда-нибудь всему этому придет конец. А если невзначай и кольнет память незваная, неприятная, муторная мысль об этом — поспешно гонишь ее на задворки подсознания.

Мы окружены картинами смерти и в то же время, как это ни странно, как это ни загадочно, не думаем о ней, будто не верим, что смерть придет и к нам.

Как трудно нам представить, что наше сердце замрет — сердце, которое горело страстями, кипело злобой, ревностью, ненавистью, — и так редко было в нем чувство святой любви! Как трудно нам представить, что сомкнутся навеки наши уста, которые так часто изрекали клевету и ложь — и так редко молитву! Именно потому, что человек отгоняет от себя мысли о смерти, он и предстает перед ней таким беспомощным и неподготовленным! (Архимандрит Рафаил (Карелин), «Путь христианина. Слова и беседы»).

Отъявленных негодяев, махровых подлецов, законченных мерзавцев не так уж и много. В большинстве своем, как мне кажется, мы, люди, скорее слабы и немощны, нежели глубоко и злостно порочны. У каждого из нас свои плюсы, но и свои ахиллесовы пяты, которые больно ранит чужая критика, которые зачастую мы научились защищать и аргументировать непробиваемым: «Все так живут!»

Ни в коей мере никого не сужу, не критикую, лишь печально констатирую наши общечеловеческие дефекты и слабости и, самое страшное, то состояние спячки, в которой в той или иной степени, за редкими-редкими исключениями, пребываем **все**, даже не осознавая этого.

Мир сжигает в своих развлечениях то драгоценное время, которое дано людям для приготовления к вечности.

В последние минуты перед смертью — как хочет человек, чтобы вернулась жизнь его! Жгучая, мучительнейшая

жажда! Как хочет он хотя бы малую часть жизни прожить заново, хоть день, хоть час — только бы не уйти в вечность оскверненным грехами!

Если бы мы помнили о смерти, то каждый день своей жизни ценили как величайший дар Божий; если бы мы помнили о смерти, то каждый час употребляли бы для своего спасения. (Архимандрит Рафаил (Карелин)).

Все Силы Небесные: Спаситель, Божия Матерь, серафимы, ангелы-хранители, святые угодники Божии, светочи Православия, ныне пребывающие в обетованном Царствии, будят нас неустанно, тормошат, тянут души за шкурку из чарующих снов, гибельных иллюзий.

По нашим просьбам, мольбам, молитвам они помогают нам решать текущие проблемы со здоровьем, семейными неурядицами, унынием, могильной плитой осевшим на душу.

Но **главная их задача** — достучаться, дозвониться до нас: беспечных, суетящихся, многопопечительных, разбудить нас окончательно, не дать нам уснуть снова. Напомнить, что время скоротечно, а силы, растраченные на мирские попечения и утехи, невозполнимы. Отчески напутствовать на дорожку, оснастить путеводительной картой с указанием возможных ловушек и подводных течений, ожидающих нас в нашем длительном странствии.

И наконец, привести к началу Пути, ведущему в Жизнь Вечную, по которому, спотыкаясь и оступаясь, пойдем уже собственными ногами.

**Милосердия двери отверзи нам,
благословенная Богородице...**

**К тебе, о Богомати, молитвенно притекаем мы, грешнии,
чудеса Твоя, во святей лавре Почаевстей явленная,
поминающе и о своих сокрушающемся прегрешениях...**

В конце 2009 года в Харьков, в Свято-Покровский монастырь, привезли Почаевскую икону Божией Матери. Шумные людские потоки, говорливо вливающиеся и медленно пересекающие обширный монастырский двор, уже по приближении к храму стихали в своем мирском оживлении, прислушивались к словам службы и незаметно полнились тихим, волнующим ожиданием предстоящей встречи...

**Ей, Владычице, буди спасению нашему Ходатаица
и, малодушия нашего не возгнушавшись, призри на
стенания наша, яже в бедах и скорбех наших пред
чудотворным Твоим образом возносим...**

Дети и внуки вчерашних воинствующих атеистов, простаивая на промозглом ветру час, два, три кряду, сегодня шли целовать святыню, испрашивать у нее исцеления, утешения в отчаянии и скорби, помощи в разрешении тяжелых семейных проблем.

**Просвети умиленными помыслы умы наша,
веру нашу укрепи, надежду утверди, любви сладчайший
дар сподоби нас прияти... Избави нас, маломощных,
от находящихся на ны бед, и нужд, и клеветы
человеческия, и болезней нестерпимых...**

Исконно славянская душа... Неприхотливая, цельная, красивая в своей подлинности, всегда смутно тянущаяся за рамки убогого мирка материального изобилия и комфорта, не довольствующаяся исключительно земным уделом и испытывающая (глубоко национальную и ставшую уже хрестоматийной) тоску по какому-то берегу обетованному, где сидит себе у причала — ноги в воду — удивительная, светлорусая и светлоликая Мировая Гармония и, приветствуя прибывающие челночки и лодочки с блаженными и преподобными, горячо-терпеливо ждет приплытия огромного нео-Ковчега со спасенным человечеством.

**Даруй мир и благоустроение жительству христианскому
предстательством Твоим, Владычице, утверди
православную веру в стране нашей и во всем мире...
и всех, к Тебе притекающих, от рова погибельнаго спаси...**

Эта общенародная душа высвобождается наконец из тенет кроваво-рябинового Октября, чьими ягодами безбо-

жия было отравлено не одно поколение Страны Советов, и возвращается к христианским истокам, продирается сквозь терние разношерстных сект и собраний — к православной вере.

Начинает прозревать в событиях, затрагивающих жизнь групп, коллективов, наций или отдельные человеческие судьбы, таинственные письма руки могучей и вседержащей. Угадывает за сплошной завесой дождя (из проблем, треволнений, разочарований) никогда не заходящее солнце истинного, глубинного умиротворения и радования. И, сбивая до крови уже далеко не младенческие коленки, ищет на змеящихся перепутьях, в тумане собственной полуслепоты пути-дороги к этой извечной, непреходящей радости.

Проваливается то и дело в нечистоты недобрых мыслей и заблуждений, вязнет подчас в топи пагубных страстей и наклонностей, обрушивается, разуверясь в который раз, в полынные травы самоистязания и отчаяния... Но снова встает — отряхивается — идет дальше, опершись на неосязаемое плечо, ведомая незримой рукой, ободренная беззвучной поддержкой.

Еще же и ересью прельщенных братий наших или веру спасительную в греховных страстях погубивших паки ко истенней вере и покаянию приведи, да вкупе с нами, Твоему чудотворному образу поклоняющися, Твое предстательство исповедят...

Пресвятая Богородица, Дева Мария, Матерь Божия... Наиболее чтимая на Руси святая, к чьему заступничеству неоднократно прибегал во времена междоусобной брани

и иноплеменных нашествий наш многострадальный народ (иконы «Владимирская», «Казанская», «Феодоровская», «Одигитрия»); на чью действенную помощь уповали вымирающие от чумы и холеры города и волости («Калужская», «Знамение» Новгородская, «Боголюбская»). Смиренные молитвы к ней возвращали безнадежно больным здоровье («Троеручица», «Целительница», «Скоропослушница», «Всецарица»). К ее пречистому образу несли свои душевные тяготы и скорби все отчаявшиеся («Споручница грешных», «Всех скорбящих Радость», «Утоли моя печали», «Утешение»). Бесноватые исцелялись («Тихвинская», «Страстная»), ожесточенные недруги обивали пороги со слезным: «Прости, бес попутал...» («Семистрельная» или «Умягчение злых сердец»), а в семьях воцарялись долгожданные мир и покой («Неувядаемый цвет», «Неупиваемая Чаша»).

Небесная Царица — первая и высшая Ходатаица пред Сыном и Богом Своим, неусыпное и непостыдное наше предстательство, покров всего мира, подательница всех благ, утешение, прибежище и спасение наше. (Преподобный Ефрем Сирийский).

Матерь Божия вся проникнута духом Христа, Которого Она носила во утробе Своей как Богочеловека, проникнута духом кротости, смирения, благодати, милосердия, сострадания, святости, правды и всегда готова спасти прибегающих к Ней с верою и усердием. (Святой праведный Иоанн Кронштадтский).

Крайне интересные факты свидетельствуют о том, что победе в Великой Отечественной войне мир обязан не толь-